

КОНЦЕПТЫ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

(Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001.
314 с. Под ред. проф. В.Г.Зусмана)

© 2002 З.Д.Попова, И.А.Стернин

Воронежский государственный университет

В последние годы в учебный процесс в вузах России включено новое направление подготовки специалистов “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. В учебные программы вошел новый курс “Теория межкультурной коммуникации”, предназначенный для филологов, историков, культурологов.

В рамках проекта ЛИНГВАУНИ, поддерживаемого ЮНЕСКО, настало время создать интегрированные курсы по языку, истории, искусству, литературе народов мира. Попытку создать такое пособие и предприняли авторы рецензируемой книги, которая написана по программе учебного курса, разработанного В.М. Бухаровым, В.Г.Зусманом и З.И.Кирнозе (с. 297-299).

Пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальностям культурология, русский язык и литература, иностранные языки. Оно написано коллективом авторов, представляющих Нижегородский государственный лингвистический университет, Одесский госуниверситет (Украина), Университет г. Линца (Австрия), Университет Париж VIII (Франция).

Пособие делится на три части: теоретическую, освещающую проблемы культуры, культурологии, межкультурной коммуникации; фактологическую, представляющую обзор национальных концептов, и прикладную, иллюстрирующую национальные особенности, отразившиеся в литературе и искусстве.

В теоретической части авторы знакомят студентов с толкованиями терминов *культура, цивилизация, семиотика, культурология, культурная и межкультурная коммуникация, концепт, понимание и истолкование*. Толкования всех терминов приводятся из

разных наук, что придает обзорам необычную глубину и объемность.

Вторая часть пособия, посвященная обзору национальных концептов, отличается высокой степенью научной новизны. Эта часть представляет несомненный интерес для самого широкого круга читателей. В серии очерков представлены важнейшие концепты, определяющие менталитет русских, австрийцев, англичан, шотландцев, немцев, французов, итальянцев.

Характеристика “своего” и “чужого” в литературе и искусстве представлена в Приложениях. Здесь читатель найдет иллюстрации к разнообразным проявлениям национального менталитета, отраженным в произведениях литературы, музыки, живописи, фотографии. Написанные разными авторами, специалистами по разным вопросам литературоведения и искусствоведения, эти иллюстрации создают в целом убедительное подтверждение основной идее авторов пособия: единство человечества существует в разнообразии; диалог культур, межкультурная коммуникация возможны, полезны и неизбежны.

Пособие включает также глоссарий и библиографию.

Большой пионерский труд многих авторов, являясь новым словом в науке и педагогическом процессе, вместе с тем наталкивает на размышления, вызывает некоторые полемические соображения.

Теоретическая часть пособия содержит целый ряд поданных по-новому категорий общенаучного аппарата. Интересно толкование культурной коммуникации как процесса взаимодействия элементов в коммуникативных цепях, состоящих из производителя, традиции, реальности, произведения

и потребителя в разных соотношениях (с.21). Культурная коммуникация разграничена на межвидовую (на базе общего естественного языка) и межкультурную (при взаимодействии разных естественных языков).

Новыми гранями поворачивается и категория *концепта*, рассмотренная с позиций нескольких гуманитарных наук. Авторы представляют концепт как явление разнородное, одновременно принадлежащее логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам (с. 38).

Концепту в системе культурных взаимодействий отводится место *произведения (продукта)*. В концепте различаются: 1. “общая идея” явлений данного ряда в понимании определенной эпохи; 2) этимологические моменты, проливающие свет на то, каким образом общая идея “зачинается” во множестве конкретных единичных явлений (с. 38).

Концепт понимается как *смысловая структура* разворачивающаяся в диапазоне от генотипа до стереотипа (с. 38). Богатством содержания авторы объясняют расплывчатость, диффузность толкований термина КОНЦЕПТ, обзор которых представлен в пособии.

В акте коммуникации концепт может быть представлен как вербальными, так и невербальными знаками (жест, действие, вещь и т.п., с. 49).

Образ концепта, рассмотренный с позиций нескольких наук, стал более объемным, а его “текучесть” более понятной. Все это позволило авторам присвоить образу концепта статус “диссипативной структуры” (с. 38).

Эта структура, по мысли авторов, может быть представлена как функционально-семантическое поле с доминантой и периферией. Содержание периферии выявляется только с помощью анализа текстов.

Авторы пособия избирают *концепт* на роль единицы межкультурной коммуникации.

Вышеизложенное понимание концепта не вызывает у нас возражений, а представление концепта с позиций разных наук несомненно способствует новым поворотам и

перспективам в разработке этой общенаучной категории.

Наши сомнения начинаются при сопоставлении теоретических трактовок концепта с их практическим воплощением во второй части пособия, трактующей, по мысли авторов, *национальные концепты*.

В нашей книге (З.Д.Попова, И.А.Стернин. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001, с. 64-68) мы предложили основания для четкого разграничения *концептосферы* и *менталитета*. Концептосфера – это сфера знаний народа. Составляющие ее концепты формируются на основе познавательной деятельности человека. Изучение концептов и концептосферы ведется психолингвистическими лингвокогнитивными и культурологическими методами.

Менталитет – это специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью стереотипов сознания. Соответственно, национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Менталитет изучается этнокультурологическими и этнопсихологическими методиками и приемами.

Менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют. Но в то же время это разные сущности. Концептосфера хранится в сознании нации, а менталитет проявляется в характере, действиях, коммуникативном поведении людей. Он формируется под влиянием природных условий, экономической жизни, политических изменений, контактов с соседними народами, исторических событий в жизни нации и т.д.

Именно менталитету посвящена вторая часть рецензируемого пособия. В ней прекрасно показаны особенности национального восприятия и понимания действительности, сложившиеся у каждой национальной общности под влиянием природных факторов, изменений в политической и социальной ситуации, экономической жизни, в обстоятельствах взаимодействия с другими народами и т.п. Высоко оценивая сам этот материал, мы не склонны видеть в характеристике черт менталитета *национальные концепты*, а именно так их

концепты, а именно так их именуют авторы пособия.

Скажем, русское восприятие *земли* как матери а реки *Дон* как батюшки, русское тяготение к воле, удали, беспредельности, склонность к вере или тоске – действительно черты русского менталитета, но концептуальность этих феноменов далеко не всегда ощутима. Разумеется, за вербальными знаками воля, удал, тоска, вера, интеллигентность стоят концепты, имеющие национальную специфику, но в целом собственно национальными они не являются. Тем более нет сем “мать” или “батюшка” в концептах, стоящих за вербальными знаками *земля*, *Дон*, эти семы обнаруживаются только в интерпретационных полях соответствующих концептов. Лексемы же *соборность*, *беспредельность*, созданные учеными, и совсем не могут быть быть знаками национальных концептов, широким кругам говорящих по-русски они могут быть вообще не известны.

В качестве чисто “ученых определений”, именующих некоторые черты менталитета и специально для этого созданных, оцениваем мы и такие термины, как *вчувствование*, *нейтралитет*, *музыкальность*, *равновесие*, *легкость*, *самоирония* (австрийское), *приватность*, *здоровый смысл*, *чувство юмора* и нек. др. (английское), *идеализм и порядок* (немецкое) *республиканские ценности*, *дух рыцарства* и нек. др. (французское), *разнообразие традиций и верность им*, *творческое отношение к культуре прошлого*, *религиозность*, *подвижность* и нек. др. (итальянское).

Все это хорошо уловленные черты национального темперамента, поведения, устремлений, но не имена национальных концептов.

Национальные концепты можно обнаружить через лакуны в других языках, но таких имен в рассмотренных примерах не содержится. В них есть имена концептов, обладающих национальной спецификой, то есть содержащие часть сем, известных одному народу и неактуальных для других народов (русское *тоска*, австрийское *нейтралитет*, немецкое *порядок* и т.д.), но сами эти концепты отнюдь не являются принадлежностью только одной национальной концептосферы.

“Диссипативная структура” концепта, видимо, объясняет и целый ряд логических несоответствий в термино- и словоупотреблении, что отмечается на протяжении всего пособия. Приведем лишь несколько примеров.

С.52. “Итак, вербальные и невербальные концепты представляют собой 1) знаки, 2) смыслы, заключающие в себе не столько обозначения денотатов, сколько их имена, значимые для процесса коммуникации”.

Значит ли это, что кроме смыслов, концептами являются знаки и имена?

С. 94. “...слово может быть обозначено рядом синонимов...”

Очевидно, речь идет не о слове, а о некотором смысле?

Говоря о “пассионарных личностях” (по Л.Н.Гумилеву), авторы пишут: “Назовем их личностными концептами. Это Октавиан Август, Александр Невский, Жанна д'Арк, король Артур, Карл Великий, королева Виктория, Петр Великий и многие другие” (с. 99).

Значит ли это, что люди являются концептами?

Вот еще несколько сомнительных словоупотреблений.

С. 136. “интеллигенция из концепта превратилась в понятие”

С.183. “...другое написание данного понятия”

С.197. “Слово Deutsch выступает синонимом ясности, честности, открытости”

С.205. “Концепт насчитывает более трехсот значений...”

С.221. “Таков Данте - человек-эпоха, личный концепт”

С.222. Данте в известной степени можно назвать символом и синонимом имени Италия.

Судя по этим цитатам, “диссипативными структурами” у авторов пособия являются не только концепты, но и понятия, и синонимы; различия же между людьми, событиями, другими денотатами и их мысленными образами, а также их вербальными знаками далеко не всегда беспокоят пишущих.

Собственно языковой коммуникации посвящены в рецензируемом пособии, строго говоря, только два раздела – “Концепт в

лингвистическом аспекте” и “Межкультурная коммуникация в переводе”.

В первом из этих разделов убедительно показано, что именно концепт является предметом межкультурной коммуникации, а язык выступает средством материализации концепта для коммуникативных целей. Убедительно продемонстрировано, что необходимо преодолевать “соблазн структурировать сферу концепта по аналогии с семантической структурой” (с. 78).

Интересны наблюдения над невербальными средствами реализации концепта: показано, что концепт может выражаться невербально, а также отдельными фонетическими признаками; это также позволяет преодолеть наблюдающуюся в некоторых других разделах пособия нечеткость в разграничении концепта и средств его объективации и крен в сторону отождествления концепта с его вербальным выражением.

Авторы раздела совершенно справедливо делают вывод об автономности концептов и средств их объективации: “Концепт представляется в языке в виде семантических систем, а в процессе коммуникации как последовательность вербальных и невербальных актов – своего рода лингвистических артефактов. Успех коммуникации, таким образом, зависит от степени знания системы концептов и правил перехода от концептосферы к семантической системе и владения нормами ее реализации. Поскольку концепт – это идеальная сущность, обладающая определенной независимостью от значения лексических единиц, то его формирование в сознании человека происходит вне жесткой связи с тем, на каком языке он говорит и говорит ли вообще на каком-нибудь языке. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы реализации которых обнаруживают национальную, этническую, культурную специфику и т.д. специфику” (с. 84).

Мы в полной мере разделяем данную точку зрения.

В разделе “Межкультурная коммуникация в переводе” хорошо показана роль переводчика как интерпретатора одной концептосферы для носителей другой концептосферы: “Переводчик находится одновре-

менно в зоне двух национальных концептосфер” (с. 86).

Небольшой раздел “Межкультурная коммуникация в процессе изучения языка” ставит важный вопрос о приемах обучения языку в категориях “свое” и “чужое”. Предлагается методика введения новых слов в процессе обучения иностранному языку, направленная на формирование “чужого” национального концепта в сознании обучающегося. Правда, предлагаемая методика кажется нам недостаточно реальной – невозможно при введении каждого слова пройти все предлагаемые авторами пособия последовательные шаги – перевод на родной язык учащегося, формирование синонимического ряда (который почему-то определяется при этом как вербально-ассоциативная сеть), сочетаемость с разными частями речи, фразеология и афористика с семантизируемым словом, плюс на заключительном этапе (кстати, почему на заключительном, а не на начальном?) визуальное знакомство с предметом (например, русским домом). Предлагаемая методика остается в сфере методического идеала. Неясным представляется нам и утверждение (с. 92): “В межкультурном общении рождается вторичная языковая личность”. Языковая личность изучающего иностранный язык не рождается, и тем более не приобретает *вторичного* характера – она просто модифицируется, обогащается концептуально и вербально.

Наши замечания носят дискуссионный характер и вызваны желанием стимулировать авторов пособия к дальнейшим работам и уточнениям категорий межкультурной коммуникации.

Практическая ценность пособия более чем очевидна. Знакомство с менталитетом народа, язык которого изучается, в чью страну направляется деловой человек или турист, чрезвычайно важно. Понимание причин неполного взаимопонимания при межкультурной коммуникации необходимо для того, чтобы его преодолеть.

В пособии очень хорошо показано, как разнородные коммуникативные сети (“свое” и “чужое”) накладываются друг на друга, образуя смежные зоны, ложные совпадения, значимые лакуны и зияния (с. 53). Понятно,

почему особенно затруднено понимание иноязычных художественных текстов, обладающих высокой степенью образности (с. 71). И в то же время очевидно, что взаимопонимание разных народов возможно благодаря наличию общего ядра концептов, констант (с. 94-95), деятельности интерпретаторов-переводчиков.

Изучение очень разнородных Приложений привело нас к мысли, что статью Г.П. Рябова “Глобальное образование и проблемы межкультурной коммуникации” уместнее было бы поместить в начале пособия в качестве объясняющего появления пособия Предисловия.

Желательно было бы издать вторую часть пособия в виде отдельной научно-популярной брошюры, рассказывающей о национальном менталитете. Такое издание было бы с интересом прочитано самым широким, кругом читателей, заинтересованных в межкультурной коммуникации.

Хочется пожелать замечательному творческому коллективу пособия больших успехов в исследовании межкультурной коммуникации.